
ДРЕВНИЙ РАЗУМ

Игорь Клик
ААР. Древний разум

https://litres.ru/74857879
SelfPub; 2026

Аннотация

В глубине якутской тайги обнаруживается нечто, чего не должно существовать. Странные организмы, необычная физиология и структуры, слишком сложные, чтобы быть результатом естественной эволюции.

Для энтомолога Миры это открытие становится началом исследования, которое постепенно выходит далеко за пределы привычной науки. За отдельными организмами обнаруживается нечто гораздо большее — древняя система, способная объединять живые существа в единый разум.

Но у этого разума своё представление о жизни, порядке и самом существовании личности.

Пока человечество пытается понять природу неизвестного, ААР начинает пробуждаться. И чем больше люди узнают о нём, тем яснее становится: главная опасность может заключаться не в том, что эта форма жизни способна уничтожить человечество, а в том, что она просто не признаёт за отдельным человеком права быть собой.

Что произойдёт, когда разум, не знающий одиночества, столкнётся с цивилизацией, построенной на индивидуальности?

Содержание

Глава 1. Мерзлотный узел 4
Глава 2. Сигнал на частоте четырёх утра 15
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Игорь Клик
ААР. Древний разум

Глава 1. Мерзлотный узел

Тайга вокруг безымянного озера к северо-востоку от Хандыги была безмолвна. В конце августа здесь даже воздух казался густым, студёным и тяжелым от терпкого настоя багульника, сырого сфагнума и смолы вековых лиственниц.

Для Александра эта поездка была долгожданным побегом из душной московской сутолоки к родителям Миры, в Якутск, а затем ещё немного дальше на север — на крошечную деревянную базу мерзлотного поста, затерянную среди угрюмых скалистых сопок Томпонского района. Лишь несколько недель в году они могли проводить так: наедине, наполняя каждый день любовью и неторопливым общением. Они любили проводить отпуск вдалеке от городской суеты, неспешно рыбача, а после варя уху на костре или же поедая бутерброды с горячим травяным чаем в лодке, заглушив мотор посреди водной глади. Топя печь прохладными вечерами, они наслаждались отсутствием связи, спокойствием природы и свежим таёжным воздухом.

С этими местами Александра познакомила Мира. Она родилась и выросла в Якутске и в первый же совместный от-

пуск после знакомства показала ему этот чудесный мир спокойствия озёр, красоты таёжной природы и вечной мерзлоты. Мир, в который невозможно было не влюбиться.

Утро предпоследнего дня их стоянки на мерзлотном посту началось на дощатом крыльце старого бревенчатого сруба. Александр, уже успевший спуститься к мосткам, возился с подвесным мотором «Ямаха». Как инженер, привыкший поверять жизнь прочностью металла и точностью посадок, он методично затягивал упорные струбцины транца, с силой проверял на разрыв страховочные тросы и один за другим осматривал замки герметичных походных контейнеров. Всё в его мире подчинялось законам сопромата и регламентам: узел должен держать паспортную нагрузку, а шов — не иметь скрытых дефектов. Профдеформация в её терминальной стадии, как часто шутила его улыбчивая спутница жизни.

Мира, сидевшая на верхней ступени крыльца, грея ладони о закопчённую кружку с горячим чаем из свежих листьев брусники и хвои, с улыбкой наблюдала за Александром, а допив чай, встала и с упоением потянулась. На поясе её штормовки привычно звякнул полевой арсенал: контейнеры с завинчивающимися крышками, тубусы, пинцеты и футляр с макролинзами для смартфона.

— Мир, мы вообще-то сюда на отдых и рыбалку приехали, — Саша отёр ветошью пальцы в графитовой смазке и с усмешкой посмотрел на неё снизу вверх. — Ты бы хоть на

три дня сняла свой пояс охотника за привидениями. Рыба в озере пугается звона твоих баночек, а я всё-таки ухи хочу.

— Каждый раз одно и то же, Саш, ну когда ты уже запомнишь: специалист по социальным насекомым не умеет просто наслаждаться природой, — мягко парировала Мира, глядя на тёмную, зеркально-неподвижную гладь воды. — К тому же в этот раз озеро какое-то странное. Ты заметил, как здесь тихо? Ни кедровок, ни кукш, даже гнуса у кромки воды практически нет.

Александр на секунду оторвался от струбцин, выпрямился, прищурившись на противоположный край каменистого уступа, и кивнул подбородком в сторону берега:

— Да вон посмотри на ту лиственницу у обрыва — всё сразу понятно станет.

Мира проследила за его взглядом. Метрах в ста от сруба, на самом краю замшелого уступа, огромная вековая лиственница неестественно накренилась над водой, выворотив из мха целый пласт спутанных узловатых корней.

— Видишь, как её вывернуло? — продолжил Александр, снова наклоняясь к мотору и проверяя рывком натяжение якорного каната. — Обычный северный термокарст: реликтовый лёд подтаял, грунт просел, а котловину выдувает ветром с сопок. Птица и гнус просто ушли в глубь тайги, подальше от холодного сквозняка и обвалов.

— И всего-то? — Мира с сомнением покачала головой, не отводя взгляда от вывернутого корневища. — Урагана ночью

не было, ветер едва тянул. С чего бы такому гиганту ни с того ни с сего набок заваливаться?

— А ему ураган и не нужен, — отозвался Александр. — Тут порода коварная, базальт вперемешку с мерзлотными линзами. Пока мерзлота держала корневую плиту, дерево стояло как влитое. Подтаял один ледяной клин снизу — центр тяжести сместился, и вся эта многотонная махина пошла под уклон. Без нормального расчёта фундамента здесь даже этот сруб перекосило бы за пару зим. В конструкциях всё держится на понятных допусках, Мира: есть проект, есть запас прочности. Если главная опора поплыла — трещина пойдёт по всей балке.

Мира покачала головой, с улыбкой слушая его неизменную инженерную логику:

— Стройка, пролёт, напряжение… Это у вас, у людей, всё держится на прорабах, чертежах и нагоняях, Саша. А природа работает совсем иначе. Вон в тайге стоит обычный муравейник: внутри у него идеальный климат — ни сырости, ни сквозняка, лучше, чем в твоих бетонных новостройках. Муравьи сами копают вентиляцию, проветривают подземные этажи, находят самые быстрые тропинки за добычей. И ведь никто не проводит утренних планёрок, никто не чертит схемы.

— Даже у муравьев есть матка, — подумав, сказал Александр. — Она, пожалуй, повыше прораба будет.

— Матка вовсе не королева на троне и не генерал с кар-

той. Она не командует: «Ты копай направо, а ты тащи вон ту гусеницу». — Мира ещё раз потянулась и лёгкими шагами спустилась на берег озера. — Матка — это просто живое сердце дома. Пока от неё идёт нужный запах, вся семья спокойна: они знают, что дом цел и они вместе. А дальше каждый муравей просто ориентируется по соседу: видит завал — разгребает, видит голодную личинку — кормит. Раздави ты хоть сотню рабочих — муравейник даже не заметит, соседи тут же подхватят брошенную ношу. У них нет той самой «главной опоры», с которой у тебя рушится весь мост.

Саша добродушно фыркнул, вешая на транец топливный шланг:

— Ладно-ладно, философия муравьёв — это, конечно, хорошо, но нам пора рыбачить. Чайник на примусе закипает, я пока соберу снасти. Через двадцать минут отходим к протоке. Ты далеко от берега не уходи, хорошо? Моя охотница за насекомыми.

Мира улыбнулась и присела у воды, разглядывая отражения в зеркальной глади. Она хорошо знала эти места с самого детства: сюда, сквозь тайгу, её приводил дед, пока мама дежурила на мерзлотном посту. Здесь, в четырёх километрах от старой технологической просеки геологоразведки, тайга казалась первобытной и нетронутой. Мира закрыла глаза, вдохнула полной грудью утренний воздух и пошла по старой тропке, повторяющей изгибы береговой линии. Её взгляд скользнул по замшелому склону сопки.

В памяти всплыл голос деда. Старый охотник-эвен, проживший в верховьях Томпо всю жизнь, учил её языку тайги. Он никогда не ставил капканы возле внезапных просадок мерзлоты и сухих термокарстовых воронок. Дед называл эти места «Аар сир» — древняя, изначальная земля, существовавшая до первого человеческого костра. «Там земля не пустая, Мира, — негромко говорил он у печи, расправляя высушенные жилы. — Аар не спит, Аар ждёт. Не тревожь камни в провалах, не буди тех, кто был здесь задолго до людей».

Но сейчас, приближаясь к той самой накренившейся над обрывом лиственнице и видя обнажившийся под её вывороченными корнями тёмный мерзлотный клин, Мира почувствовала странный холодок в груди. Она сделала несколько шагов в глубь подлеска, обходя вывороченное корневище. Утреннее солнце едва пробивало плотную хвою, оставляя пространство под корнями в холодном синеватом полумраке.

Именно там её взгляд зацепился за аномалию.

Во мху двигалось насекомое. На первый взгляд — муравей подсемейства Formicinae длиной около пяти миллиметров. Но манера его движения категорически выбивалась из любых этологических канонов. Обычный муравей-фуражир на незнакомом субстрате непрерывно сканирует пространство: его антенны-усики безостановочно вибрируют, ощупывая микрорельеф и химические следы феромонов, а траектория представляет собой изломанную дугу поиска.

Эта особь не двигала усиками. Его антенны были жёстко вдавлены в продольные бороздки головной капсулы, словно обтекаемые сенсорные гребни. Насекомое шло не по дуге — оно двигалось по безупречно прямым линиям, огибая лиственничные иглы под строгими углами, точно координатный манипулятор промышленного станка. Лапки муравья не вязли во влажном сфагнуме: матовый, словно прессованный графитовый панцирь отталкивал влагу. Казалось, особь не искала пищу, а шла по строгому маршруту, словно прописанному в его неведомом навигаторе.

Мира медленно опустилась на колени, боясь хрустнуть сухим валежником и спугнуть необычную особь. Насекомое нырнуло под мощный узловатый корень лиственницы, где вечная мерзлота поднималась почти к самой поверхности, залегая на глубине полуметра. Видимо, лиственницу накренило ночным ветром, обнажив корни, но лёд ещё не успел растаять.

Мира, надев макрообъектив и переведя камеру в режим высокой частоты кадров, включила съемку на смартфоне и заглянула в затемненную полость под корневищем.

Там не было привычной для потревоженного муравейника насыпи из хвои, песка или перетёртой древесины. Не было личиночных камер, следов грибницы или суетящихся рабочих. В округлой нише между корнями и линзой реликтового льда покоился плотный, размером с крупный грейпфрут, монолитный комок из насекомых, от которого в разломы и

трещинки уходило несколько верениц рабочих.

Мира приблизила объектив, и её дыхание перехватило.

Особи в клубке не копошились. Они были соединены в строгую архитектурную решетку: жвалы фиксировались на стебельках брюшек соседей, тарзальные коготки лапок входили в микроскопические пазы на сочленениях чужого хитина. Это была идеальная сотовая структура, напоминающая модель графеновой решётки. Сотни живых тел образовывали единый монолит. А те дорожки, уводящие под землю, действительно состояли из живых цепочек насекомых, но не бегущих друг за другом, а сцепленных непрерывными нитями.

Но в ту секунду, когда особь-проводник коснулась внешнего края этой массы, структура будто ожила:

Сквозь сочленения тёмного хитина муравьёв пробились еле заметные бирюзово-голубые всполохи света. Это не было мягким, ровным фосфоресцирующим свечением, характерным для глубоководной фауны или гнилушек, где люциферин окисляется кислородом, давая зеленовато-жёлтый спектр с плавным угасанием. Свет этой структуры пульсировал вспышками синхронизированных импульсов — резких, холодных, электрических, словно миллионы микроскопических излучателей срабатывали по единому тактовому сигналу.

Микроимпульс вспыхивал в одном узле решётки, ветвился на тройные пучки, каскадом пробегал по телам сцеплен-

ных насекомых и гас, уходя несколькими линиями куда-то в грунт, чтобы через долю секунды вернуться обратно и повторить сложнейшую полифоническую интерференцию. Это выглядело как ожившая функциональная томограмма работающей синаптической коры головного мозга.

В голове ошеломлённой Миры эхом отозвались забытые слова деда: «Аар». Древний. Первородный. Нечеловеческий.

— Да чтоб меня… — прошептала она практически беззвучно. — Это что за…

Внезапно вся световая активность роя оборвалась. Бирюзовая волна замерла на вершине клубка и мгновенно погасла. В воздухе под лиственницей повис густой, сухой запах озона — острый и металлический, словно в метре от земли только что проскочил высоковольтный разряд.

Казалось, что в единую миллисекунду, сотни крошечных графитовых голов синхронно развернулись в направлении Миры. Тысячи фасеточных глаз, тускло блеснувших в полумраке, сфокусировались прямо на оптической линзе её камеры. И это не было рефлекторной реакцией на тепло, дыхание или свет экрана — на неё в упор смотрел единый, сфокусированный кластер из сотен особей.

Наблюдатель мгновенно превратился в наблюдаемого. От осознания этого по спине Миры пробежал холодок, она даже машинально слегка отстранила объектив от клубка насекомых.

— Мира! Ты куда пропала? Лодка готова, чаёк заварен!

— разнёсся по тайге раскатистый голос Александра.

Рефлекторно вздрогнув от неожиданного звука, Мира непроизвольно нажала на спуск затвора. Мощный светодиодный импульс вспышки в упор ударил по корням и нереальной структуре насекомых.

Сочетание резкого звука затвора и вспышки подействовало как триггер. Клубок буквально вскипел: неподвижная монолитная форма мгновенно разорвалась на сотни отдельных чёрных ручейков. Насекомые с несвойственной им скоростью хлынули в микроскопические трещины мёрзлого грунта и щели базальта. Буквально через две секунды прикорневая ниша была практически пуста.

Не теряя ни секунды, Мира сорвала с поясного карабина герметичный пластиковый тубус для полевых проб. Несколько особей еще метались по корням лиственницы, пытаясь найти ближайшие трещины в грунте. Точными, отработанными движениями энтомологического пинцета Мира смахнула в пробирку четырех насекомых и наглухо закрутила крышку.

Кусты ольхи за её спиной затрещали, и на поляну вышел Александр — высокий, широкоплечий, в расстёгнутой штормовке, держа в руке дымящийся термос. Увидев сидящую на мокром мху Миру, он укоризненно покачал головой, но в глазах мелькнула тёплая, спокойная усмешка:

— Я так и знал. Нельзя тебя оставлять одну ни на минуту. Опять нашла какую-то редкую сороконожку и забыла про

завтрак и рыбалку?

— Саша, — Мира поднялась с колен, бережно убирая тубус во внутренний карман штормовки прямо у груди. Её пальцы мелко и неудержимо дрожали, как и голос, — это не сороконожка, это что-то невообразимое.

Александр, наверное, никогда не видел её такой растерянной и одновременно с этим сияющей от неподдельного, практически детского восторга.

— Рыбалка отменяется, любимый, мы возвращаемся в город.

— Уже сегодня? — на лице Александра промелькнула тень разочарования.

— Прямо сейчас, Саша, прямо сейчас.

Глава 2. Сигнал на частоте четырёх утра

Дорога от Хандыги до Якутска заняла около десяти часов: три часа Мира и Александр плыли на лодке её отца к рыбацкому причалу, а дальше, после короткой передышки, — почти семь часов изматывающей тряски по ухабистому гравию Колымского тракта. Ранние сумерки в конце августа быстро опускались на сопки, затягивая низины холодным туманом.

Всю дорогу Мира берегла пластиковый тубус, отогревая его во внутреннем кармане штормовки. Время от времени она доставала контейнер и подсвечивала его фонариком смартфона, боясь выронить на ухабах. С каждым часом тревога росла. Если сразу после поимки муравьи ещё скребли лапками по стенкам, то по мере удаления от озера их движения становились медленнее и рассогласованнее. К середине пути особи перестали шевелить усиками, а на подъезде к переправе едва двигались, завалившись набок.

Добравшись до Якутска, они сразу направились на Мерзлотную, 36, в Институт мерзлотоведения имени Мельникова — в крыло лабораторного корпуса, где располагался отдел криобиологии. В полупустом коридоре третьего этажа их встретил Денис.

Мира и Денис учились вместе на биолого-географическом факультете. Денис пришёл туда после двух курсов физтеха и всегда оставался фигурой обособленной, но уважаемой среди коллег. Безупречно отглаженный белый халат, застёгнутый на все пуговицы, негромкий голос, очки в строгой оправе, математическая педантичность в записях. Его сухая манера речи и замкнутость отталкивали многих сокурсников, но Мира ценила феноменальную память, научную добросовестность и живой аналитический ум друга.

Денис сдержанно пожал руку Александру, прикоснувшись к ней самыми кончиками холодных пальцев, сразу спрятал ладонь обратно в глубокий карман халата и мягко улыбнулся Мире:

— По телефону ты говорила так сбивчиво, что я толком ничего не понял. Пойдёмте в лабораторию, покажешь свою загадку тайги.

— Я, пожалуй, пока на улице подожду, — сказал Александр. — В ваших пробирках я не силён, а с дороги хочется освежиться. Может, подремлю в машине, вы же явно не на пять минут.

— Хорошо, Саш, отдохни пока.

Мира быстро поцеловала его в щёку и направилась вслед за Денисом, оживлённо рассказывая о наклонившейся лиственнице.

Александр пошёл к выходу. Не любил он эти лаборатории, предпочитая давящим стенам советских построек све-

жий воздух. Институт жил размеренной жизнью: пахло пылью, реактивами и свежесваренным кофе из дежурки. Саша спустился с крыльца и посмотрел на улицу сквозь сизый туман. Под подошвами его ботинок скрипел припорошенный песком асфальт.

Его внимание привлекли деформационные швы соседней девятиэтажки. Сезонные колебания грунта здесь достигали катастрофических значений, и здания буквально балансировали на пределе прочности.

Но мысли Александра всё время возвращались к Денису. Было в нём что-то статичное и отталкивающее. Он не переминался с ноги на ногу, не делал лишних жестов, говорил монотонно, без интонационных перепадов. Короткое рукопожатие оставило на ладони неприятное ощущение прикосновения к холодному камню.

Саша поёжился и сел в машину.

«Обычный научный сотрудник. С утра до ночи среди пробирок — откуда там взяться живым эмоциям?»

Зевнув и откинув спинку кресла, Саша с наслаждением прикрыл глаза.

Тем временем в лаборатории царила стерильная прохлада. Воздух пах изопропиловым спиртом, хлоркой и пылью давно требующих замены фильтров. В углах помещения монотонно гудели вытяжные шкафы и компрессоры ламинарного бокса.

Пойманные Мирой особи лежали в чашке Петри на хо-

лодном металле антивибрационного стола. Оторванные от естественной среды, они утратили ориентацию: лапки едва заметно подрагивали, усики волочились по стеклу, а спустя двенадцать часов после отлова все четыре перестали двигаться вообще.

— Морфология уникальная. Поздравляю, это явно неописанный ранее вид, — сказал Денис. — Стопроцентный эндемик. Паралич — типичный баротермический шок от перепада давления и температуры при транспортировке. А то, что ты видела у озера, можно объяснить холодной люминесценцией в симбиозе с мерзлотными актинобактериями. Редчайшая вещь, но физиологически возможная.

— Нет, Денис. Это была не люминесценция.

Мира достала смартфон и с резким щелчком кабеля подключила его к лабораторному монитору.

— Смотри сам. Я снимала с частотой двести сорок кадров в секунду.

Она запустила видео.

На экране в замедленном темпе появилась таёжная запись. Сначала — одиночный фуражир: антенны намертво вжаты в пазы головы, траектория состоит из прямых линий, а повороты происходят под точными углами. Затем объектив скользнул под корень лиственницы.

— Они что, совсем неподвижны? — Денис чуть поднял брови.

— Именно. Но не это главное, смотри на импульсы.

Мира приблизила изображение клубка.

На мониторе гексагональная решётка сцепленных тел вспыхивала ветвящимися бирюзовыми каскадами. Импульсы проходили по сотням соединённых особей с фиксированной задержкой. Денис наклонился ближе к дисплею. Его пальцы замерли на вороте халата.

— Вот этот момент, — Мира остановила запись и стала прокручивать её покадрово. — Кадр шестьсот семьдесят второй: они ещё заняты внутренними импульсами. Шестьсот семьдесят третий — свет гаснет. А на семьдесят четвёртом сотни голов поворачиваются одновременно.

Она посмотрела на Дениса.

— Разница между движениями почти неразличима. Биологический нервный импульс насекомого не распространяется с такой скоростью. Они отреагировали на объектив — как единый организм.

Мира оперлась ладонью о край стола и кончиком пинцета коснулась чашки Петри.

— А теперь сравни с тем, что лежит перед нами. Неподвижные особи. Обычный муравей в изоляции пытается выбраться, ищет гнездо, феромонный след. Эти даже не боролись. Оторванные от скопления, они потеряли координацию и впали в оцепенение.

Она замолчала, подбирая слова.

— Будто исчез сигнал, который связывал их между собой. Денис, я не понимаю, что перед нами и как это изучать. Ко-

гда они синхронно посмотрели в объектив, мне на секунду показалось, что я увидела то, о чём рассказывал дед.

Денис замер. Пальцы, лежавшие на краю стола, едва заметно напряглись.

— Поясни, Мира.

— Дедушка называл то, что спит в земле, «Аар». Древняя земля, древний разум, существовавший задолго до людей, — негромко произнесла она. — Мне почудилось, будто эти муравьи и есть Аар… Но это старые эвенские сказки, не бери в голову.

Мира снова посмотрела на чашку.

— Я думаю, отдельная особь здесь не самостоятельный организм. Или самостоятельный, но с очень ограниченными возможностями. Вместе они образуют нечто большее. По отдельности — почти беспомощны. У них словно нет собственного «я». Тот клубок под лиственницей был размером с грейпфрут, и мне показалось, что вместе они сформировали некое подобие зрительной коры.

Денис медленно покачал головой, не отрывая взгляда от неподвижных тел в чашке, и осторожно, словно боясь коснуться застывших панцирей, передвинул штатив с пинцетами в сторону:

— Мира, способность действовать как единый организм в колониях известна уже полвека. Да, муравьи регулируют микроклимат и даже строят живые мосты, но это сумма локальных рефлексов, а не какой-то распределённый разум.

Где граница твоей модели? По-твоему, если ссыпать в ведро миллион особей, они заговорят?

— Не в ведро, а в согласованную решётку! — горячо возразила Мира, подавшись вперёд. — Возможности такой структуры должны зависеть от плотности связей. Небольшой клубок дал зрительное распознавание. А для сложного мышления, сопоставимого с человеческим… дай-ка прикинуть. Одна особь весит миллиграммов двадцать-тридцать. Значит, навскидку, без детальных расчётов, понадобилась бы масса в десятки килограммов — шестьдесят, восемьдесят, может, больше. Целая многомиллионная колония, замкнутая в единый контур.

В боксе повисла тишина.

Денис выслушал её абсолютно неподвижно. Пальцы на полированном металле стола слегка побелели, а взгляд, устремлённый в чашку Петри, на миг стал отрешённым, словно мысли его улетели куда-то вдаль.

— Восемьдесят килограммов… — повторил он почти шёпотом.

Затем он едва заметно тряхнул головой, сбрасывая оцепенение, и через силу улыбнулся:

— Красивая гипотеза, Мира. Я бы даже сказал, жутковато-красивая. Но ты не хуже меня знаешь: науке нужны доказательства, а не предположения. Давай так: одну особь я возьму на гомогенизацию для выделения ДНК, три зафиксируем в этаноле для последующей гистологии.

— Может, сразу препарируем?

— Ты же знаешь, я предпочитаю проводить исследования последовательно, а начинать процедуру нужно с анализа ДНК.

Денис взглянул на неё поверх очков.

— Идите отдохните, Мир. Саша, наверное, тебя уже заждался. Я сам всё доделаю. По результату отзвонюсь — сама понимаешь, это дело небыстрое.

— Пожалуй, ты прав. Мы после дороги с ног валимся. — Мира зевнула и взглянула на часы. — Ого, уже почти восемь! Только ты обязательно набери, если будет что-то интересное.

— Само собой.

Когда за Мирой закрылась тяжёлая гермодверь шлюза и Денис остался один, он подошёл к чашке Петри, снял перчатки и несколько секунд смотрел на неподвижные графитовые тела.

Началась кропотливая процедура выделения нуклеиновых кислот.

Стандартный протокол провалился: фермент, легко расщепляющий белки обычных организмов, оказался бессилен. Сколько бы Денис ни встряхивал пробирку с тушкой, раствор оставался прозрачным. Попытки перемолоть муравья в ступке тоже не дали результата — тело не поддавалось даже сильному нажиму пестика.

— Так… Это уже интересно.

Денис нахмурился и посмотрел на шкаф с оборудованием.

— Тогда попробуем безотказный вариант.

Он налил жидкий азот в тяжёлую агатовую ступку. Белое облако окутало стол, оседая инеем на полированной стали. Пинцетом опустив особь в кипящую жидкость, Денис дождался глубокой заморозки и резкими ударами пестика растёр остекленевшую ткань в мельчайшую серую пыль.

Лишь разрушив сверхпрочный внешний панцирь, он добавил реактив и раскрутил пробирку в центрифуге. Нерастворимая минеральная крошка оболочки осела на дно, а в прозрачной жидкости остались нити генетического кода. Денис отфильтровал их на специальных колонках.

По устройству эти нити оказались достаточно похожи на обычную ДНК, чтобы прибор смог протянуть их сквозь микроскопическую пору и прочитать последовательность.

Когда алгоритм начал выводить первые данные, Денис замер.

Вместо хаотичных мутаций ДНК проявляла ровную, математически правильную структуру. Отдельные участки повторялись с чёткой регулярностью, напоминая искусственный код с защитой от ошибок.

Ни одна международная база данных членистоногих не выдавала даже отдалённого совпадения.

Денис долго смотрел на экран. Затем взял смартфон. Пальцы дрогнули, и он не сразу попал по нужному контакту.

— Алло?.. — сонно отозвалась Мира. — Денис?

— Мира, проснись! — голос Дениса в трубке звучал

непривычно взволнованно. — Прости, что бужу, но ты просила сообщить, если будет что-то необычное.

— Погоди, пятый час, ты ещё в лаборатории? — от сна в голосе Миры моментально не осталось и следа.

— Да, слушай! Нанопоры выдали первые риды. Там не просто новый вид — структура последовательностей совершенно не укладывается в земное древо. Математическая симметрия в некодирующих блоках, циклическая избыточность… Как в искусственных матрицах!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.